

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 48 (2639)

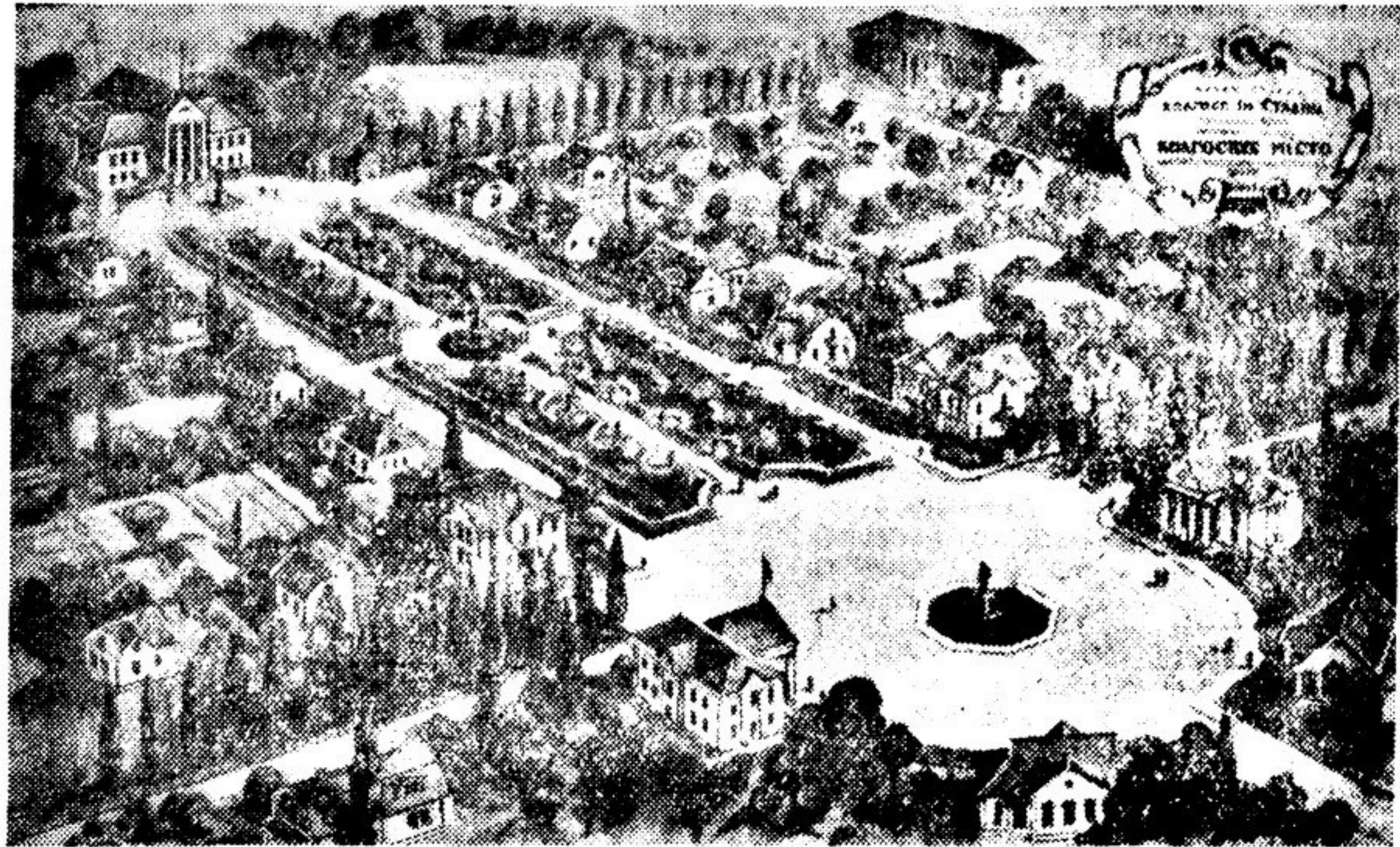
Среда, 14 июня 1950 г.

Цена 40 коп.

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

КОЛХОЗНЫЙ ГОРОД

Так будет выглядеть город колхоза имени Сталина через пять лет.

В Большом Кремлевском дворце идут заседания первой сессии Верховного Совета СССР. Со всех концов Советского государства съезжаются в Москву сыновья народа и слуги народа — депутаты. В зале Большого Кремлевского дворца, поднимаем со своих мест в едином душевном порыве, народные посланцы с волнением, с горячим, от самого сердца идущим чувством благодарности и глубокого восхищения приветствуют вождя народа и великого сына народа товарища Сталина.

В семье счастливых народов

Через несколько недель, 21 июля, исполняется десятилетие вступления Советской Латвии в Союз Советских Социалистических Республик. События мечты памятных борцов за освобождение латвийского народа, самоотверженных революционеров, отдавших все свои силы, свою молодость и даже жизнь за то, чтобы вывести наш народ в счастье.

Светлая судьба таджика

В Таджикистане есть высокая скала, на которой высечена надпись: «Жизнь человека, что слеза на кончике ресницы, — миг и падает она вниз, развивается на мелкие брызги». Это — слова классика таджикской поэзии Бедляи. И когда-то для пуника, пробиравшегося мимо этой скалы, предостережением звучали строки поэта. Таковой была жизнь горного таджика, каждую минуту рискованно он отступался: сорвется ли камень из-под ноги, поскользнется ли человек — и полетит в пропасть, разобьется насмерть. Мне, старому таджикскому писателю, вспомнилось горькое строки Бедляи. Вспомнилось прошлое моего народа. Что было бы с нами, таджиками, если бы не было на свете Москвы?

На небольшую станицу Партизан, Сталинской железной дороги, почти непрерывно приходят грузы с коротким адресом: «Колхозу Сталина». Из Москвы, Киева и других промышленных центров идут станки, электрические моторы, провода, гвозди, оконное стекло, цемент, из Крыма — аккуратно распиленные блоки ракушечника. Колхоз имени Сталина строит свой город.

В ОДЕССКОМ ПОРТУ

«Встретил я его в одесской гавани, — писал М. Горький об одном из своих героев, — среди свиста паровозов и мотивах, звонке шпелей, криках рабочих в бешено-нервной ступорной погоне охватывающей человека со всех сторон. Все люди были озабочены, утомлены, все бежали в пани, в поту, кричали, ругались...»

ОДНО ПЯТИЛЕТИЕ

Несколько дней назад знающего зубореза Уралмашзавода Виктора Пономарева попросили выступить по радио. — В эти дни никак не могу, — сказал он, — сдать экзамены и закончить двадцать шестую годовую норму.

ЧЕРТЫ НОВОГО

ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ

Жители Пхеньяна справедливо гордятся одним из красивейших зданий города — великолепным пятиэтажным корпусом университета имени Ким Ир-Сена.

ОТДЫХ ТРУДЯЩИХСЯ

Чехословакия славится целебными водами. «Известный город — курорт Карлови Вари», — пишет чехословацкая писательница Мария Майерова, — где под целебной волу из горячего «Вржидла» (источника) еще Петр Великий, замечательно вытекает внутреннюю болезнь. Недалеко от него расположены курорты Марпанские и Франтишковы лазины, славящиеся также своими источниками.

Еще одна трагедия Шекспира

Одно из американских издательств выпускает пьесы Шекспира в виде цветных карточек с коротким текстом. Будет выпущен «Юлий Цезарь», затем «Гамлет» и другие трагедии. Текст печатается рядом с иллюстрациями персонажей, как это принято в так называемой серии «комиксы».

ЧЕРТЫ НОВОГО

ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ

Жители Пхеньяна справедливо гордятся одним из красивейших зданий города — великолепным пятиэтажным корпусом университета имени Ким Ир-Сена.

ОТДЫХ ТРУДЯЩИХСЯ

Чехословакия славится целебными водами. «Известный город — курорт Карлови Вари», — пишет чехословацкая писательница Мария Майерова, — где под целебной волу из горячего «Вржидла» (источника) еще Петр Великий, замечательно вытекает внутреннюю болезнь.

Еще одна трагедия Шекспира

Одно из американских издательств выпускает пьесы Шекспира в виде цветных карточек с коротким текстом. Будет выпущен «Юлий Цезарь», затем «Гамлет» и другие трагедии. Текст печатается рядом с иллюстрациями персонажей, как это принято в так называемой серии «комиксы».

ЧЕРТЫ НОВОГО

ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ

Жители Пхеньяна справедливо гордятся одним из красивейших зданий города — великолепным пятиэтажным корпусом университета имени Ким Ир-Сена.

ОТДЫХ ТРУДЯЩИХСЯ

Чехословакия славится целебными водами. «Известный город — курорт Карлови Вари», — пишет чехословацкая писательница Мария Майерова, — где под целебной волу из горячего «Вржидла» (источника) еще Петр Великий, замечательно вытекает внутреннюю болезнь.

Еще одна трагедия Шекспира

Одно из американских издательств выпускает пьесы Шекспира в виде цветных карточек с коротким текстом. Будет выпущен «Юлий Цезарь», затем «Гамлет» и другие трагедии. Текст печатается рядом с иллюстрациями персонажей, как это принято в так называемой серии «комиксы».

ЧЕРТЫ НОВОГО

ШКОЛЫ И УНИВЕРСИТЕТЫ

Жители Пхеньяна справедливо гордятся одним из красивейших зданий города — великолепным пятиэтажным корпусом университета имени Ким Ир-Сена.

ОТДЫХ ТРУДЯЩИХСЯ

Чехословакия славится целебными водами. «Известный город — курорт Карлови Вари», — пишет чехословацкая писательница Мария Майерова, — где под целебной волу из горячего «Вржидла» (источника) еще Петр Великий, замечательно вытекает внутреннюю болезнь.

Еще одна трагедия Шекспира

Одно из американских издательств выпускает пьесы Шекспира в виде цветных карточек с коротким текстом. Будет выпущен «Юлий Цезарь», затем «Гамлет» и другие трагедии. Текст печатается рядом с иллюстрациями персонажей, как это принято в так называемой серии «комиксы».

К. ПОЗДНЯЕВ

Солдат армии мира

Наша литература — в долгу перед Советской Армией. Поэты и писатели, создавая ряд выдающихся произведений о послевоенном труде рабочих и колхозников, не уделяют внимания теме ратного труда в послевоенное время, теме боевой учебы аспирантов Родины.

В нашей литературе почти не показано, как сейчас, в дни послевоенной сталинской пятилетки, советские воины охраняют безопасность государственных границ, как они оттачивают свое воинское мастерство, закаляют свою волю, вырабатывают в себе умение преодолевать все и всяческие трудности. И поэма Семена Гудзенко «Дальний гарнизон» именно поэтому заслуживает пристального рассмотрения.

Эта прозаическая поэма подлинно поэтична. Удача автора в том, что он сумел увидеть в армейской жизни красоту труда советского воина, сумел насытить поэму тем глубоким содержанием, которое подсказала ему сама жизнь.

Через поэму лейтмотивом проходит мысль, что труд солдата, так же как и всякий труд советского человека, — это труд созидателя, труд во имя победы коммунизма в нашей стране, труд во имя мира во всем мире. Центральным образом поэмы — образ молодого солдата Федора Зыкова. На его примере Семён Гудзенко показывает процесс становления воина.

Не легко дается колхознику из под Курска Зыкову армейская наука. Он попадает в прославленный берлинский полк, где служба и его погубили в боях отцеп. Но полк этот несет службу в знойной пустыне, в Туркестанском военном округе. Это «тридцатый гарнизон», где «пески, пески, пески легли до океана», где «пыль по пояс, пыль по грудь», где труд поднимается до сорока градусов по Цельсию.

Солдата, не привыкшего еще к походно-боевой обстановке, многое тяготит в армии. Он не сразу находит свое место в общем строю, не сразу проникается чувством личной ответственности за порученное ему дело.

Семён Гудзенко правдиво рассказывает о тяжестях армейской жизни, он не склонен лакировать действительность. В одной из лучших глав поэмы — «Дорога к повету» — поэт живописует разубеждающуюся в пустыне стезю. С высот ударил ветер «афтаген».

И двинул пески навесные, Рванул на себя аэбуны. Пошли они злые, шальные — да так, что уже не видны друг другу в шеренге солдаты, да так, что хоть наземь ложись...

Поэту верить, что герои его преодолевают трудности, но верить и в то, что для Федора Зыкова и для его боевых друзей «тридцатый гарнизон», в конце концов, становится родным домом, а туркестанская пустыня — близким и дорогим сердцу краем.

Все действия Федора Зыкова и других героев «Дальнего гарнизона» поэт показывает на фоне великих созидательных побед советского народа. На выжженных солнцем песках по воле советского человека-создателя зашлепала яблоня, арчиная вода пошла в сады, выросли новые города, новые заводы. Включаются в передачу края и воины. Секретарь парторганизации старшина Павел Головова организует работы по озеленению. Уже с каждого болна есть деревце в пустыне». Домашняя ухаживает за своими саженцами Федор Зыков.

И эта деталь в жизни полка помогает Федору Зыкову отчетливо понять, что цель народа, а значит и советских

С. Гудзенко. «Дальний гарнизон». Журнал «Новый мир», № 2, 1950 г.

воинов, — сделать жизнь красивой, счастливой, чтобы человеку дышалось легко и свободно, чтобы никто не посмел нарушить наше счастье.

Сила любви к Родине, чувство верности боевым традициям родного полка, чувство войскового товарищества помогли Федору Зыкову окрепнуть духом. В генерале Баргове молодой солдат увидел отца и мудрому воспитателя, в младшем лейтенанте Горобинце — не только непосредственного начальника, но и учителя, брата, друга, в старшине Головова — умелого партийного вожака. Зыков интимными глазами взглянул на себя и заставил себя равняться по этим людям.

Во время марша в песках солдаты становятся свидетелями того, как пограничники задерживают вражеского лазутчика, шпиона американской разведки. Зыков слышит, как майор Ермолаев в разговоре с Горобинцем характеризует обстановку на границе: «еще ни разу, с октября, не отмыкались здесь пытки», — и Зыков убежденно говорит себе:

Значит, если крепко любишь край свободный, где открыт тебе широкий светлый путь, ничего, что шаг тяжелый, шаг похолодный, ничего, что пыль по пояс, пыль по грудь.

Это уже мысли убежденного бойца. А боец, убежденный в правоте своего дела, способен преодолеть любые преграды. В «Дальнем гарнизоне» немало отличных мест. Особенно хорошо написана заключительная глава поэмы, а также та часть одиннадцатой главы, где речь идет о бессмертии Героя Советского Союза Фомина, навеки занесенного в списки полка.

Запоминаются различные строки, направленные против поджигателей войны; они подчеркивают и усиливают основную мысль поэмы: наша армия — армия мирной страны и стоит на страже мира.

**

Автор мало поработал над языком поэмы, особенно в первых главах. Вот на выборку повороты, встречающиеся на различных страницах поэмы. О Горобинце генерал говорит: «Дать орден! С делом справился герой». Сервант перелая приказ товарища Сталина, «в д е л о радио введя». О секретаре парторганизации Головова автор пишет: «И вновь, как на Днепре, вошел он с ходу в д е л о», о генерале Баргове — «всегда и до всего в пустыне д е л о депутату скотоводов и стрелков».

Майору Ермолаеву, оказывается, «в лихих не довелось побывать д е л а х». Командир роты, вручая солдатам оружие, заявляет: «свято беречь его везде — наш дог и ваше д е л о». У полкового трубача «д е л о становится словом». Лейтенант «по делу неотложному ушёл в погранзону» и т. д. Так поэт «и в дело и в дело» пускает в оборот «и» и то же слово.

Если хорошо и необходимо в поэме неопознанные выражения в повествование описание встречи генерала Баргова со старым другом, ибо оно раскрывает характер этого воина сталинской школы, то иногда авторские отступления не способствуют ни раскрытию образов героев, ни развитию сюжета. Непонятно, зачем, к примеру, понадобилось Семёну Гудзенко столь подробно описывать фамильную гробницу пекского генерал-фельдмаршала, которому под Вапляркой «обломали лапы».

Умение почувствовать людей, о которых пишешь, умение передать своеобразие их труда — вот что создает условия для создания богатой, полнокровной литературы. У С. Гудзенко в его прошлых стихах было немало надуманного, даносного, отвлеченного пестроты литературности. «Дальний гарнизон» — свидетельство его творческой усталости. Доработать поэму, улучшить ее, устранить и длинноты и языковые небрежности — обязанность поэта.

А. ПЛЕШКОВ

Повести Джанси Кимонко

В. ПРОЦЕНКО

Пионерское лето

Повесть Джанси Кимонко «Зарево над лесами» и ее продолжение «Красное знамя» повелены к читателям средствами современной полиграфической техники: они напечатаны в журнале «Дальний Восток». Казалось бы, незачем начинать статью с такого естественного факта. Но автор этих произведений родился и жил в условиях родового строя. Около тридцати лет назад он добывал огонь трютом и охотился с помощью лука и стрелы.

От труда, лука и стрелы до письменной литературы, до киноповествования — на этот путь человечеству понадобилось тысячелетия. А Джанси Кимонко и его народ прошли такой путь за четверть века. И в этом факте для нас, советских людей, нет ничего необычного.

Джанси Кимонко — удэец, сын охотника, поклонявшегося лесным силам, — учился в хабаровском политехникуме, потом в Институте народов Севера в Ленинграде, окончил Центральные курсы советского строительства. Он стал председателем сельского совета станицы Гасюги, представлял власть, которая спасла и породила его народ. Его судьбу нельзя назвать счастливым исключением. Она типична.

Когда охотники провожали Кимонко в Ленинград, никто не думал, что он вернется песенником — первым поэтом своего народа. Там, в институте, молодой удэец впервые приблизился к сокровищам русской литературы. Ему страстно захотелось написать о своем народе на родном языке.

В книге Джанси Кимонко воскресает недавняя история народа удэе. Высокой горой поднимается побережье Тихого океана горный хребет Сихотэ-Алинь. На его отрогах, в бескрайней тайге, издавна кочевали «лесные люди» — удэйцы. Стена тайги отгораживала их от мира. Но они добывали ценные меха, и в кочевья, все учащая свои пагоби, проникали ачские скуньицы пушнина. Поэме на бесправный народ обрушилось новое бедствие — эпидемия черной оспы. Удэйцы катастрофически быстро вымирали. К первому десятилетью нашего века от их многочисленного племени осталось только несколько сот человек.

В повести «Зарево над лесами» Кимонко описывает семью своего отца, которая скиталась по таежным доржам, гонимая голодом и нуждой. Много на страницах повести удивительных, истинно волнующих эпизодов. Как живые, встают со страниц повести маленький Джанси, его мужество.

Джанси Кимонко. «Зарево над лесами», перевод с удэеского Ю. Шестаковой. «Красное знамя». Повесть. Журнал «Дальний Восток», № 1, 1948 г. № 1, 1950 г.

вещный дядя Ангирча, красавец и силач Доодо, мудрая, как старуха Изергиль, бабушка Сиданка. Простетесь образ женщины Надии, наивной, как дитя. В 1917—1922 годах на Дальнем Востоке шла гражданская война. Заповедная тайга стала пристанищем и боевым плацдармом красных партизан. Там произошли их первые встречи с удэйцами. Мы хорошо помним этот эпизод по роману А. Фадеева «Последний из удэе».

Отрешена гражданская война. Советская власть переставала жизнь по-новому. Первая часть повести заканчивается приходом русских партизан в тайгу, картиной их встречи с удэйцами. Вторую часть Джанси Кимонко писал, совмещая литературный труд с большой работой председателя сельсовета. Около двух лет назад, когда мы встретились с ним в Хабаровске, у Кимонко уже было готово несколько новых глав. Небольшого роста, коричнево-смуглый, он ходил по комнате острогой, словно научившийся походкой охотника и, поблескивая глазами черными глазами, рассказывал:

— Вы понимаете, когда я писал первую часть, мне было так грустно. Нелегко вспомнить тяжелое прошлое!.. А вторая часть — это о новом, о настоящем, о том, что произошло после революции. Об этом писать радостней — но, однако, и трудней! Нравственно богаче, сложней стала жизнь, и так выросли люди!

К сожалению, работа Кимонко осталась незаконченной. Трагический случай на охоте оборвал жизнь первого удэеского писателя. Вторая часть повести («Красное знамя») подвела нас только к началу перемен в жизни удэйцев. Эта часть опубликована сейчас в № 1 журнала «Дальний Восток». Джанси Кимонко рассказывает в ней о первых шагах советской власти в станицах и заканчивает отщедом героя в город.

Мы знакомимся здесь, правда, мельком, с первыми «русскими красными начальниками»: появляются русский доктор, русская девушка, помогающая Джанси выучить первые русские слова и буквы. Мы узнаем о помощи, полученной удэйцами, — выгон с продовольствием, оружием и запас патронов прибывают на станице вслед за первыми делегатами, вернувшимися из города. Чувствуется поддержка русских, удэйцы сами, расправляются с теми из своих соплеменников, которые продавали и предавали их врагам. В яростной схватке убит пособник японцев Мясина Ванчуга, разоблачается манан Иванова. Но Кимонко не успел рассказать. А произошли значительные события. Одним из

С. Складенко «Путь на Киев» (о Шорсе), Н. Заряна «Алакан» (об армянском колхозе), повести Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана», украинского прозаика В. Козаченко «Сердце матери» и «Горячие поэмы», «Рассказы» эстонского писателя Э. Мянишка, сборники стихов «Под небом Родины» белорусского поэта П. Глебки и «Под шум прибоя» эстонской поэтессы Д. Вааранди.

«Советский писатель» за эти два месяца выпустил немало хороших и интересных книг. Однако обращает на себя внимание, что издательство занималось главным образом переводом широко известных читателю книг и выпуском произведений, опубликованных ранее в периодической печати. Это, конечно, важно и нужно дело, имеющее большое значение. Но издательство должно уделять особое внимание выпуску и новых, еще нигде не печатавшихся книг, должно проявлять большую инициативу в отыскании новых авторов.

Должна быть отмечена и известная ограниченность тематики: тема индустриального труда, тема рабочего класса весьма мало представлена среди изданных книг. Бросятся в глаза и отсутствие книг по истории и теории советской литературы, монографий о советских писателях. Заметим, что за весь 1950 год издана пока только одна такая книжка (монография В. Александрова «М. Исаковский»).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

За апрель и май текущего года в издательстве «Советский писатель» вышло около 30 названий книг. Великой борьбе народов за мир, против поджигателей войны посвящен сборник писем «За мир, за демократию», где напечатаны произведения советских драматургов, завоевавшие широкую известность: «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Лев на площади» И. Эрнбурга, «Цвет кожи» В. Билль-Белоржевского, «Губернатор провинции» братьев Тур и Л. Шейнина, «Я хочу домой» С. Михалкова.

В числе новых книг, изданных «Советским писателем», — сборник С. Крушинского «Вышел сестель», в который, кроме ранее изданных повести «Алтайский хлеб», включен ряд новых рассказов писателя о современной колхозной деревне, «Повесть о двух кораблях» Н. Панова, повесть Л. Островера «На берегу Двины», посвященная работе советских колоний, и исторический роман И. Кратца «Колония Россия» о русских поселениях конца XVIII, начала XIX вв. в Калифорнии.

За это же время «Советский писатель» переиздал ряд лучших произведений нашей литературы прежних лет. Сатирические стихи, басни, фелетоны, эпиграммы Демьяна Бедного «Знакомые лица», не утратили и сегодня своей политической силы и остроты. Переиздан также роман Л. Леонова «Дорога на океан».

Большое место среди выпущенных книг занимают отдельные издания новых произведений, опубликованных ранее в журнале. Здесь романы «Весна на Одер» Э. Казакевича, «У нас уже утро» А. Чаковского, «Жизня вода» А. Коженикова, «Инженеры» М. Сломинского, «Записки советского офицера» Р. Пожоско.

Переиздан роман Ф. Панферова «Борьба за мир» (первая и вторая книги), а также повесть В. Леонидова «Третья палата». Издательство выпустило также детскую повесть С. Георгиевича «Бабушкино море», ранее изданную Детгизом.

Ленинградское отделение «Советского писателя» выпустило серию сборников стихотворений современных советских поэтов. Сейчас в этой серии вышли книги А. Гитовича «Стихи о Коре» и молодого поэта Л. Стекольниковой «Крутая тропа», посвященная труд советских геологов. Произведения писателей, живущих в краях и областях РСФСР, представлены романом «К Тихому океану» П. Задорнова (о замечательном русском мореплавателе Невельском) и большим романом «Ростовского писателя» Г. Шолохова-Сиваского «Волны», в котором рассказывается об истории одной советской семьи в мирные годы и годы войны. Издательство выпустило несколько произведений писателей братских республик. Это романы украинского писателя

первым пришел в удэеское стойбище Гасюги русский учитель А. М. Масленников. Подвиг, совершенный им, мог бы стать сюжетом большой волнующей книги. Он сдоборствовал с шаманами, с дикостью древних обычаев, со всей волевым костью старого отца, А. М. Масленников учил кочевников не только читать и писать, но и доить корову, шить пенки и пользоваться мылом. Спустя несколько лет все в стойбище знали его «дзави» — друг. Сам он был комсомольцем, по старым пли и нему советовали о жизни, девушки — выходить ли замуж, матери — как назвать новорожденного.

Вслед за учителем в стойбище пришли русские плотники. Они строили высокие светлые избы; удэйцы переходили на оседлость.

Всего полтора десятка ветхих юрт составляло когда-то стойбище Гасюги. Было это большое село с рядами домов по берегам горного потока. Живописный мост соединял оба берега. Здесь школа, клуб, дом сельсовета и пруды колодца, магазин, больница, ясли, электростанция.

Во второй части повести — «Красное знамя» — Кимонко вспоминает, как он учился русской грамоте. Теперь все удэйцы читают и пишут по-русски и по-удэески. Это стало обычным явлением.

Когда отмечалось двадцатипятилетие советской власти на Дальнем Востоке, в стойбище Гасюги прибыла киноэкспедиция. Ее участники собирались запечатлеть картины старого быта «лесных людей». Им пришлось для этого выехать на место древнего заброшенного кочевья Джанси и там строить юрты. Пришлось просить колхозников-удэйцев временно превратиться в «картистов». Смех стоял на площадке съёмки: комсомолец Памбуи плыл в облачении шамана; колхозница Саса, приторив старым халатом шелковое платье, изображала роженницу, изломанную по древнему дикому обычаю в тайгу. Все пришлось испрошивать, ибо не осталось и следов тяжелого прошлого народа. За четверть века он совершил прыжок через столетия, прыжок, который возможен только в нашей стране, — от патриархально-родовой общины к социализму, от культуры примитивной к передовой советской культуре.

Повесть Кимонко — первое художественное произведение на языке удэе. Джанси Кимонко не успел стать ярким художником, но в поэтических описаниях природы, в образах героев, во многих деталях картины уже чувствуется подлинный талант. Нельзя не верить, что талантливый народ удэе выдвинет новых писателей, которые продолжат дело, начатое Джанси Кимонко.

В нашей детской литературе в последние годы почти не было занимательных, романтических книг о жизни пионерской организации. С удовлетворением надо отметить издание Детгизом повести молодого писателя А. Алексина «Тридцать один день».

Своей рассказ А. Алексин ведет от лица московского школьника Саши Василькова, отправившегося летом в один из чудесных пионерских лагерей на берегу Черного моря. Каждый день Саши — в поезде и в лагере — насыщенный интереснейшими мальчишескими делами, приключениями, событиями. Тут и воспитанное ребятами общей любви — собака, которую они готовят для погранпозы службы, и участие в восстановлении разрушенного города, и дальний поход в большой совхоз, и путешествие литературной бригады лагеря по следам юного героя-партизана, Вани Алексеева, и созданные книги о нем, и другие события.

Юные читатели книги запомнят, как герой ее — пионер проездом побывал в Сталинграде и своими глазами увидел следы чудовищных разрушений. В конце книги автор совершенно естественно (по обратному пути) снова возвращает своих героев в Сталинград, чтобы на отдельных деталях показать, как стремительно заживает Родина раны, нанесенные войной.

Рассказывает А. Алексин и о той замечательной дружбе, которая возникает между ребятами пионерского лагеря и расположенного неподалеку от него детского колхозно-туберкулезного санатория. Когда читаешь, как лечат, как учат и развлекают тяжело больных детей, которые в буржуазном обществе были бы обречены на страшную жизнь, особенно ясно понимаешь, как велика любовь советского народа, нашего правительства к детям.

Почему так естественны слова ответной горячей любви маленьких героев повести к товарищу Сталину, о которой тепло и изподованно рассказывает автор.

Удача автора книги в том, что жизнь пионерского лагеря он рисует не замкнутой, а связанной множеством нитей с жизнью ближайшего города, колхоза.

Многие эпизоды повести свидетельствуют о том, что молодой писатель хорошо чувствует и знает психологию ребят того возраста, о котором он пишет.

Но в книге есть и серьезные недостатки. Автор недостаточно поработал над стилем, языком своей первой книги, а редакторы С. Боярская и М. Брусиловская мало помогли ему в этом. В повести встречаются немало унылых, стандартных выражений. Прошу Саши, по воле автора; начинал излагаться как-то неестественным, нарочито «красным» языком: «Ветерок, врываюсь в открытое окно, приносил то чудесные запахи соснового леса, то прохладу реки, то едкий дым, летящий от паровоза. Любопытный ветерок трогал все, что встречалось ему на пути. Он залезал и в мою тетрадь, начал терпеть странички, и справиться с ним было невозможно».

Автор и редакторы не смогли отбить книгу от навязчивой диалектичности, проявляющейся нередко. Неудачей следует признать, например, образ отца «капитана» — одного из друзей Саши. Совсем этот отец специально приехал на несколько часов в лагерь, чтобы читать детям скучнейшие проповеди о пользе скромности. Риторической и бедной поучался у автора также фигура пионервожатой Катя.

Огорчает и оформление книги. Веселая и занимательная повесть о пионерах издана Детгизом папкобумажным карманного справочника или распечатки повестей. Такой внешний вид никак не сможет привлечь к книге юных читателей. А прочитать повесть при всех ее недостатках им полезно и интересно.

А. Алексин. «Тридцать один день». Детгиз, 1950 г. 246 стр.

Б. РЮРИКОВ

«СПОР ЧЕРЕЗ ОКЕАН»

С год назад в ленинградском журнале «Звезда» был напечатан рассказ молодого писателя Д. Гранни «Варпант второй». Герой рассказа Александр Савицкий, закончив кандидатскую диссертацию и представив ее на утверждение, случайно узнает, что такая же тема разрабатывалась несколько лет назад аспирантом одного из институтов, позднее погибшим на войне. Рассказав эту работу, Савицкий убеждается, что разработанный им прибор является несовершенным, а погибший товарищ нашел более правильный путь и создал прибор, представляющий блестящее решение научной проблемы. Савицкий мог бы, сделав вид, что ничего не знает, заставить свой проект и получить кандидатскую степень, но он решает иначе.

На защите диссертации, высказав положительные отзывы о своей работе, он заявляет, что путь, которым он шел, неверен и что единственно правильным вариантом разработана погибшим товарищем.

Рассказ Д. Гранни обрывается на себя внимание и той атмосферой моральной чистоты, внутренней ясности и правдивости, которую сумел передать автор, и той смелостью и свободой, с которой молодой писатель пользовался сложным материалом научной работы. В то же время не могли остаться незамеченными и нарочитость некоторых положений, традиционность образа старого профессора, наивное тяготение к театральности развязки: так, для того, чтобы объявить о своем честном, прямом решении, герою потребовалась кафедра и большое стечение публики.

Вслед за «Варпантом вторым» Д. Гранни опубликовал повесть «Спор через океан», главным действующим лицом которой является также представитель нашей научной молодежи.

Действие разворачивается в научно-исследовательском институте. Инженер Ни-

колай Корсаков получает задание разработать автоматический регулятор для новой советской машины. В этот момент Корсаков полностью поглощен темой, имеющей отношение к его диссертации, и новое задание рассматривает только как досадное препятствие, отвлекающее от важнейшей, как ему кажется, работы. Но раз уже нельзя не заняться регулятором, он стремится к одному — скорее разделиться с внутренне чуждым ему заданием и вернуться к обожаемой теме. И тут профессор Арсентьев, начальник отдела института, говорит Корсакову: «Вам повезло».

Оказывается, в американском журнале появилось описание регулятора системы Харкера, предназначенного для подобных целей, и профессор Арсентьев, благоволивший перед любым американским патентом, рекомендует скопировать этот регулятор и, таким образом, выполнить задание. Корсаков идет по этому пути. Он рассматривает схему, преодолевая ряд трудностей, и в конце концов, добивается своего. Но, достигнув цели, он убеждается, что регулятор Харкера, скопированный им, испортит себя на скорости, слишком незначительной для новой советской машины. Преодолевая усталость, недоверие некоторых товарищей по институту, косяк «ученых» мужей, Корсаков разрабатывает новый регулятор, отвечающий требованиям создателей новых советских машин.

Решая научно-техническую задачу, молодой советский конструктор вступает в спор с конструктором американским. Он побеждает заокеанского соперника, создает более совершенный прибор.

В повести «Спор через океан» Гранни показал способность находить поэтические краски в спешной, лишенной внешних эффектов, научной работе. В научной работе есть своя поэзия, она охотворена, требует дерзания, мужества, интуиции, напряженного, самоотверженного труда. В теме борьбы за новый прибор звучит тема красоты создания, красоты стремительного движения, красоты новаторства. Д. Гранни сумел рассказать о труде

инженера, охваченного пафосом конструкторского творчества, показать не только успех, но и нелегкий путь к нему, заинтересовать читателя ходом борьбы молодого ученого с силами, вставшими на его пути. Точность описания сочетается у него и с лиризмом и с тонкой иронией.

Автор разделяет со своим героем влюбленность в научную деятельность; это любовное отношение к теме является одной из привлекательных черт произведения. И все же интересная повесть оставляет читателя неудовлетворенным.

В произведении как бы чувствуется внутренняя противоречивость; логика развития образов нередко нарушается автором.

Тема, взятая Гранниным, требует ясности взгляда, широты представлений, ибо это большая тема патристической деятельности в науке. И чтобы правильно оценить повесть с точки зрения жизни, следует отметить, насколько правдиво и глубоко раскрыты писателем мотивы побуждающие героя вести через океан духовную борьбу с мистером Харкером, и обстоятельства этой борьбы.

За случаем, подобным случаю с Корсаковым, стоит большая закономерности роста науки, развития нашей социалистической техники. Спор с американскими техниками — не новый спор. Едва в годы первой пятилетки появились на наших предприятиях заграничные станки, советские инженеры и рабочие трезво оценили хорошие и плохие стороны этих станков. По-хозяйски, без робости наши люди осваивали и совершенствовали технику. На горьковском автозаводе молодой пионер невольно говорил нам, показывая на американские станки:

Но вот в институте, изображаемом Гранниным, все соглашается с предложением профессора Арсентьева просто скопировать американский образец. Здесь как будто считается нормальным послушно следовать укатанной дорожке чужой мысли. Никто из действующих лиц не подумал, что советская машина, для которой разрабатывается автоматический регулятор, потребует иной, более высокой мощности.

Директор института Михаил Иванович рассуждает о том, как плохо, когда люди параллельно блеском американской олодотии мезалли. Директор вообще говорит правдивые вещи, и автор рисует этот персонаж в весьма почитательных тонах. Но — удивительное дело — все в институте идет как-то мимо директора. Он ничем не руководит, ничего не направляет. Секретарь партийного бюро Марков — странная и неясная фигура, основная деятельность которой заключается в том, чтобы сообщать директору кое-какие сведения о жизни института. Но читателю ясно, что и директор и парторг знают институт по-настоящему, руководят бесспорно, и от них попросту ускользает многое из того, что творится вокруг.

В таком институте немудрено, что Корсаков именно тогда, когда приступает к работе над своим оригинальным, отечественным прибором, оказывается в обстановке равнодушия и невнимания и, обижаясь, замыкается в одиночестве. Его замысли исполняются в мастерской в последнюю очередь. Его помощники по бригаде отворачиваются от него. В стеной газете помещается заливная карикатура, высмеивающая конструктора.

Скажут: но ведь в жизни такие институты есть. Да, есть еще такие захламленные уголки в мире науки! И упрямая мысль автора не в том, что он не показал такой уголок, а в том, что он не сумел взглянуть на него зрым и трезвым взглядом, что о руководителях института и об отпавшихся, сложившихся в нем, он рассказывает в несколько умниченном тоне. Кажется, что он сам недостаточно разобрался в логике образов своего произведения, временами рассматривая как переводное, что переводом не является.

А если так, то, значит, силы, стоящие за прибором, автором показаны неолуд, не раскрыты зрелость и самостоятельность советской пионерско-технической мысли, неразрывно связанной с практикой.

Корсаков становится в искусственное положение одиночки, и спор через океан в значительной мере становится дуэлью Корсакова с мистером Харкером. Правда, писатель наивно пытается объяснить одиночество героя тем, что директор в этот острый момент уехал в командировку, а без него не догадывался... Но возвращением директора приняла-де нужные меры, и исследование работы Корсакова было успешно закончено. Но как раз эта благополучная развязка и написана наименее убедительно. Преодоление чувства обиды изображено в несколько сентиментальном тоне, эффективная же сцена триумфа на заводском митинге, данная под занавес, кажется сделанной. Нельзя не отметить, что если лаборатория изображена в повести достоверно и точно, то завод нарисован, как каляка-то театральная декорация. Спелны на заводе автору не удалось.

К тому же в интересном образе героя порой чувствуется влияние дурной схемы. Молодой советский инженер, да еще фронтвик, местами напоминает традиционного старого интеллигента. Есть, в частности, в повести такой момент. Корсаков, приехав на завод, где создается новая машина, поражается, сколько блестящих выдумок вкладывают в свой труд рядовые рабочие, «казавшиеся ему раньше простыми и бездумными». Кто мог быть поистелем таких представлений о рабочих? Старик-профессор, замкнутый в кабинетном мире и под старость лет приниженный к революции? Нет, так думает молодой инженер, коммунист, новатор. Надо ли говорить, как не свойственно молодой породе наших инженеров кастовое, высокомерное представление о советском рабочем!

Думается также, что инженер-коммунист глумле и явнее определяет свое отношение к американской технике и ее людям. Мистер Харкер, с которым спорит Корсаков, присутствует в повести в одном неизменном качестве. Это делец от техники, предприимчивый, руководящийся прин-

ципом конкуренции. Он своеобразно служил бизнесу. Его техническая мысль ограничена рамками капиталистических отношений. Все это справедливо, но все это односторонне и недостаточно, потому что мистер Харкер сегодня работает на атомную бомбу!

Дело ведь не только в том, что наши ученые лучше, смелее, талантливее решают отдельные технические проблемы, дело в том, что все направление деятельности советских ученых принципиально противоположно направлению деятельности американских атомщиков от науки. А персонажи повести как-то не замечают, что «наука», ставшая на службу разрушительным, бесчеловечным стремлениям империалистов, — это не только отсталая, морально чуждая наука, которую мы переаждем, — она враждебна человечеству, она угрожает ему.

Лица, действующие в повести Д. Гранни, чрезвычайно ограничены узко профессиональными интересами. Кажется, лишь однажды заходит между ними разговор о политическом значении технических открытий. А ведь нашим ученым и техникам присущи большая широта мышления, умение рассматривать явления как звенья одной цепи. Не показав этого, автор недостаточно раскрывает патристическое содержание деятельности наших ученых, патристический дух новаторства молодых инженеров.

Д. Гранни — молодой и способный писатель. Он, бесспорно, талантлив и хорошо знает и чувствует участок жизни, который описывает. Но он не сумел выйти за рамки «частного случая», не смог локализовать большую закономерности нашего роста, — закономерности развития и укрепления независимости советской науки. Ему еще нехватает широты, масштабности представлений, мешает камерность образов, создаваемых им. Перехитки литературщины отражаются в его творчестве.

Хочется пожелать, чтобы в своей работе писатель шире, полнее передал своеобразие людей советской науки, духовное богатство наших новаторов, многогранность их деятельности, содержательность и красоту, как вся советская жизнь.

Каков характер поэтического развития Владимира Маяковского, характер его творческого пути? Этот вопрос еще продолжает находиться в центре различных дискуссий, статей, книг, посвященных Маяковскому. Куда и к чему он шел, — известно. Но откуда и как, — вот что тревожит некоторых критиков.

В годы жизни поэта и в первые годы после его смерти во многих критических статьях прочно бытовала следующая концепция: у Маяковского было «темное футуристическое прошлое», затем он стал «попутчиком революции», приблизился к пролетариату, но, раздираемый так называемыми внутренними противоречиями, пережитками «анархизма» и «индивидуализма», не дошел до пролетариата... Автор недавно вышедшей книги «Семинарий по Маяковскому» Е. Наумов справедливо заметил, что ни в одной из работ до конца 1935 года, т. е. до известного высказывания товарища Сталина о Маяковском, нет правильного осмысления творческого пути Маяковского.

Мы не вспоминали бы обо всем этом, если бы сейчас, спустя двадцать лет после смерти лучшего и талантливейшего поэта нашей советской эпохи, не стали бы с рещительными все той же точки зрения на Маяковского. Существует определенная зависимость (и ее нетрудно заметить) между тем, что проповедывалось рядом критиков в 1930 году, и тем, что проповедывалось в некоторых статьях, напечатанных в 1949—1950 годах.

А между тем старую и неверную концепцию пути развития Маяковского нельзя ни приспособлять, ни усовершенствовать. Чтобы наша критика могла двигаться вперед и правильно представить себе движение Маяковского, нужно, наоборот, разбить эту концепцию, как ложную.

В сентябре прошлого года в «Литературной газете» помещена статья А. Тарасенкова «Учтите у Маяковского» — статья во многом правильная и ценная. Но там же он отнес к... «эпохе футуризма» книгу «Все сочиненное Владимира Маяковского», изданную в 1919 году. Критик привел выдержку из предисловия Маяковского к этой книге: «Оставляя написанное школам, уходя от сделанного и, только переиначив через себя, выпущу новую книгу...» и... наведя тень на лямный день.

Из слов Маяковского явствует, что он оставляет написанное школам, т. е. говорит: учитесь у сделанного, а я пойдю дальше. Слова «переиначив через себя» также имеют весьма определенный и точный смысл: «не буду повторять себя, не буду пользоваться уже найденным, открытым мною». Верный своему новаторскому принципу, Маяковский считал возможным выпустить новую книгу, лишь «переиначив через себя», т. е. через уже достигнутое.

А. Тарасенков же истолковывает слова Маяковского по-своему: Маяковский, видите ли, отказывался от тех произведений, которые включены в книгу «Все сочиненное Владимиром Маяковским» и которые оглульно отнесены А. Тарасенковым к «эпохе футуризма».

Другой пример.

В четвертом — апрельском — номере журнала «Знамя» за 1950 год появилась статья В. Новикова «Поэт великой эпохи». Автор этой статьи усмотрел опасность в том, что «в работах, посвященных раннему творчеству Маяковского, исследователи зачастую преувеличивают революционность мировоззрения поэта настолько, что Маяковский оказывается потом-революционером чуть ли не с первых своих произведений».

По мнению В. Новикова, Маяковский стал потом-революционером только со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

«Не сразу глубоко осмыслил Маяковский историческое значение революции и не сразу увидел в ней создающее начало», — пишет В. Новиков.

И в доказательство приводятся две (буквально две!) строчки (и то неверно поимено) из стихотворения «Ода революции», написанного в 1918 году — в первую годовщину Октября.

Каков смысл стихотворения?

Поэт говорит в нем о двух сторонах революции: разрушительной и созидательной. Обязательны видели только разрушительную силу революции, гугали ее и проклинали. Маяковский видел великую разрушительную силу революции, безжалостно уничтожающей старое, реакционное, и видел ее великую созидательную силу.

Заканчивается «Ода революции» знаменательными словами:

Тебе обязательное
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтов
— о, четырежды славясь,
Благословенная!

Здесь все яснее видно. Как же можно путать «обязательное» с «поэтов»?!

Чем больше углубляешься в статью В. Новикова, тем яснее определяется его позиция.

«Во второй половине 20-х годов», — пишет критик, — «советской литературе не было более гневного врага апологитичности, не было более страстного борца за идею искусства, чем Маяковский».

А разве в первой половине 20-х годов, спросим мы В. Новикова, Маяковский не был гневным врагом апологитичности, не был страстным борцом за идею искусства?!

Можно ли забыть, что еще в 1916 году, Маяковский гневно обрушился на «брагетов писателей», прислуживавших буржуазии:

Господа поэты,
неужели не наскутили
ваши,
лаорцы,
любовь,
серебрян куст вам?
Если
также, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.

«Творчество Маяковского в второй половине 20-х годов», — настаивает в порядке обсуждения.

на своем В. Новиков, — свидетельствует, что вся деятельность поэта этого периода, приведшая к созданию образов социалистической поэзии...»

И далее:

«Главная тема, которая проходит через все произведения Маяковского последних лет — это творчество», — пишет В. Новиков, — «это тема социалистического преобразования».

Но очевидно ли, что под словами «последних лет» скрывается та же вторая половина 20-х годов? Оставаясь верным себе, В. Новиков заключает:

«Все творчество Маяковского последних лет (подчеркнуто всду нам. — С. Т.) говорит о партийности поэзии».

Если согласиться с В. Новиковым, выходит, что только в эти годы Маяковский стал на партийные позиции и создал образ социалистической поэзии.

Третий пример.

В четвертом номере «Нового мира» (тоже за 1950 г.) напечатаны «Заметки о поэтике Маяковского» Е. Усевича. Автор правильно подчеркивает, что «поэтическая судьба Маяковского так же насыщена политическим содержанием, как и его жизнь», и высказывает ряд ценных замечаний о поэте.

Однако в той же статье мы находим и нечто другое, перекликающееся с тем, что утверждает А. Тарасенков и В. Новиков.

Во всем, что создано Маяковским, критик видит мучительную борьбу внутренних противоречий. Он произвольно делит творчество Маяковского на несколько «моментов». Причем характерно, что единственным произведением «третьего момента» оказывается «Во весь голос». Е. Усевич находит, что с каждым новым «моментом» Маяковскому приходилось многое отбрасывать, как «ложное и устаревшее». Получается, что только «Во весь голос» («третий момент») является подлинным достижением «в росте его художественного реализма». А вот «Хорошо!» отнесено во «второму моменту».

Такое понимание творческого пути Маяковского, несомненно, принижает образ поэта и размах его творчества, превращает автора многих полных произведений — в автора множества не до конца полноценных произведений и лишь одного абсолютно полноценного, написанного Маяковским «к концу своей деятельности». Критик акцентирует не на достижениях каждого из произведений, не на положительной идейно-художественной основе, которая являлась базой для дальнейшего роста, а на отрицательном, на том, что «приходилось отбрасывать».

Е. Усевич старается убедить читателя в том, что Маяковский не был якобы, «поэтом универсальным», не был «поэтом всеобъемлющим». Между тем, думается, куда важнее в соответствии с истинной задачей универсальную широту Маяковского, раскрыть всеобъемлющую силу его поэтического дара.

В самом стиле письма Е. Усевич чувствуется пошлость мышления.

Почему у Маяковского нужно писать так: «за каждую творческую неудачу я чувствовал ответственность, как за плохо выполненное партийное поручение». Ведь можно было же мысль выразить опять же не с отрицательным знаком, а с положительным: «После каждой творческой удаче он чувствовал радость, как за хорошо выполненное поручение». Здесь дело, видимо, не в неуказанных выражениях. И наше замечание — не формальная придирка. Дело, видимо, в самом подходе к теме.

Был ли Маяковский до Октября революционным поэтом? От правильного ответа на этот вопрос зависит многое в дальнейшем ходе рассуждений о характере творческого пути Маяковского, линии его развития. Мы отвечаем: да, Маяковский до революции и был поэтом революционным. Его стихи были направлены против капиталистического строя, возбуждали ненависть к господствующему классу, звали к борьбе, провозглашали грядущую революцию. В этом и заключался пафос дореволюционных произведений Маяковского. Понятие «революционный» не есть нечто неподвижное, раз навсегда данное. Оно существует во времени и в обстановке.

Нужно уметь отделять дореволюционное творчество Маяковского главное от второстепенного, основное, решающее от случайного, переходящего.

Еще в 1915 году в статье «О разных Маяковских» он издевался над клычками, которыми его пятака буржуазная печать, обращалась к читателям:

«Подумайте, если не устает непонимаям-ий неприятный вытчаивать и вытчаивать строчки, — то не потому ли только, что знает: ножами будут они в ваших руках...»

Пусть подумают над этим и те, кто сегодня отказывает дореволюционному Маяковскому в революционности, кто намерен свести «все это томов» его «партийных книжек» лишь к произведениям «второй половины 20-х годов», т. е. последних годов жизни.

На какой конкретности повисает «периодизация», подобная той, какую устанавливает В. Новиков?

Поэма «Хорошо!» написана Маяковским во второй половине 20-х годов. «Во весь голос» — в последний год жизни. Но вот многие стихи «американского цикла» датированы 1925 годом, т. е. серединой 20-х годов. Поэма «Владимир Ильич Ленин», которая является выдающимся произведением социалистического реализма, создана в 1924 году, т. е. в первой половине 20-х годов. Тогда же написано «Юбилейное». Годом раньше — потрясающее «Мы не верим», «Молодая гвардия».

Это не во второй половине 20-х годов, а еще в 1922 году опубликовано сатирическое стихотворение Маяковского «Проставившиеся», которое высоко оценил В. И. Ленин. В том же 1922 году «Известия» напечатали глубоко патристические стихотворения Маяковского «Моя речь на Генуэзской конференции» и «Свободы». В еще более ранние годы созданы такие произведения, как «Прялка № 2 армянского искусства» и «Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе» (1921 г.); «Владимир Ильич» и «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920 г.);

«Потрясающие факты», «Мы идем», «Ода сатире Роста» (1919 г.); «Левый марш», «Поэт-рабочий», «Ода революции» (1918 г.) и, наконец, «К ответу», «Сказка о Красной Шапочке», «Интернациональная басня», «Революция» (1917 г.).

Совершенно очевидно, что эти произведения великого поэта, написанные им в последние годы жизни, входят в сокровищницу советской поэзии, как ее совершеннейшие и ценнейшие образцы.

Периодизация, критикуемая нами, построена на песке!

Прав грузинский критик Весо Жгенти, который в статье «Основоположник и знаменосец социалистической поэзии», опубликованной 14 апреля 1950 года в газете «Заря Востока», писал:

«В Маяковском зрелости годы революционного подъема героического русского пролетариата. Его юношеское сознание формировалось под непосредственным воздействием великих социальных сдвигов начала нашего века. Будучи учеником Кутаисской гимназии, он был свидетелем самоотверженной борьбы грузинского народа на баррикадах первой русской революции. Возглавляемая молодым Сталиным, эта мужественная борьба трудящихся Грузии оказала определяющее влияние на формирование характера и общественных устремлений будущего поэта-революционера».

И далее:

«В своем дореволюционном творчестве Маяковский ярче и сильнее, чем кто-либо из поэтов этого периода, выразил предчувствие приближающейся революции, веру в торжество нового, свободного человека... Естественно, что победу Октябрьской революции Маяковский принял, как осуществленную мечту, и без всяких колебаний поставил свой талант на службу Советской республике».

Сразу же после 25 октября 1917 года Маяковский сказал: «Моя революция». Перед ним не возникло необходимости — «менять вехи», «ломать себя», «перестраиваться», «поворачиваться» лицом к революции. Он всю свою жизнь стоял лицом к ней, ждал ее, воспевал ее приход.

Развитие Маяковского шло не от «буржуазного реализма» и «революционности». Будучи до революции революционным поэтом, он после победы Октября закономерно становится лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи. Движение Маяковского находилось в тесной связи с историческим движением страны и народа по пути, указанному Лениным и Сталиным.

В тяжелых условиях царского самодержавия молодой поэт использовал все возможности для выступления со своим словом, атакующим твердыни буржуазного общества. Многие приходилось ему защищать, многие маскировались необычайной формой, словесной игрой, но, так или иначе, главною доходило до аудитории, к которой обращался Маяковский.

Безночно, его юное сознание пытались отравить ядом «новейших теорий», вроде того, что «слова — цель писателя» и «ше идея рождает слово, а слово рождает идею». По развее заблуждения Маяковский оставил заметный след в его творчестве? Нет! Его здоровый организм быстро срывался со всяческими микробами.

Вот почему мы не склонны превращать «футуристическую муху» в «футуристическое слово», а в «эпоху футуризма» и в том самым умалить и стигматизировать пафос творчества Маяковского.

Осуждая футуризм как антисоциальное явление, Горький еще в 1915 году резко выдвинул Маяковского из среды футуристов. Он расслышал подлинный голос поэта и протянул ему дружескую руку.

— Да какой он футурист. Он же настоящий реалист! — говорил тогда же о Маяковском познакомившийся с его стихами Репин.

Они не ошиблись!

«В упорном нежелании буржуазной критики выделить Маяковского из среды футуристов», — верно пишет Е. Наумов в своей книге «Семинарий по Маяковскому», — «было стремление дискредитировать творчество Маяковского, замочить все более резкие ноты социального протеста в его произведениях».

Цель, которую преследовала, дореволюционная буржуазная критика, ясна и понятна. Тем более непонятно, почему ныне наши исследователи повторяют зады буржуазной критики, почему они не отделяют решительно Маяковского от футуризма, а сблизляют его с ним.

Странно не видеть той пропасти, которая существовала между «футуристом» Маяковским и футуристами-декадентами, не видеть различия между тем, какой смысл вкладывал Маяковский в слово «футуризм», и тем, что собой представлял футуризм всяческих кубистов и заумников, чье «творчество» было лишь гнилой буржуазной культурой.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла Маяковскому, выведя его на широкую и светлую дорогу.

Немного
дорога
указана Лениным,
все другое —
кривы и грязны,
— писал он.

Революция дала поэту возможность разговаривать открыто и прямо с широчайшей аудиторией — с народом. Она сделала его слово оружием в борьбе за коммунистическое обновление мира. Это-то и определяет сущность его послереволюционного поэтического движения.

Важнейший долг и первейшая обязанность нашей критики — обстоятельно проанализировать путь Маяковского и раскрыть перед советским народом и перед народами мира подлинное богатство наследия того, что было и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, что стал образом и учителем для поэтов всех народов СССР и всех прогрессивных поэтов мира.

Выполнять этот долг и эту обязанность будет тем легче, чем быстрее и решительнее мы освободимся от ложных и вредных толкований творческого пути Владимира Маяковского. Именно к этому мы и зовем товарищей А. Тарасенкова, В. Новикова, Е. Усевича и других.

Киев

Здесь состоялось совещание молодых писателей Украины, организованное Союзом советских писателей Украины и издательством «Радянський письменник». В работе совещания участвовало около 100 поэтов, прозаиков и драматургов Киева, Харькова, Одессы, Львова, Днепропетровска, Закарпаття.

Совещание открыл заместитель председателя правления ССП Украины Л. Дмитрико. Он привел интересные цифры. За последние два с половиной года Союз советских писателей Украины принял в свои ряды более 50 талантливых литераторов, привлеченных в литературу с заводов, шахт, из колхозов и учебных заведений.

С докладом о творчестве молодых поэтов выступил П. Тычина. Ю. Смолич сделал обзор творчества молодых прозаиков. О работе «Радянського письменника» с начинающими авторами рассказал участником совещания председатель редакционного совета издательства Н. Рыбак.

Молодые писатели, принявшие участие в прениях, посвятив свои выступления важнейшим вопросам литературного творчества. Они говорили о том, что Союз писателей Украины, издательство «Радянський письменник», редакции журналов «Вісник» и «Діпнор» еще недостаточно работают с литературной молодежью. Участники совещания справедливо указывали на необходимость организационно укрепить областные литобъединения, установить более тесную связь мастеров старшего поколения с писательскими организациями в областях, усилить внимание критики к творчеству молодых авторов.

На совещании выступил председатель правления Союза писателей УССР А. Корнейчук.

— В нашу литературу, — сказал он, — ежегодно приходит большая группа молодых способных писателей. Это радует всех нас — и старшее поколение литераторов и наших читателей. Но я глубоко уверен, что если бы мы работали лучше, то могли бы вырастить еще больше талантливых поэтов; прозаиков, драматургов.

У нас есть все условия для глубокой учебы, для успешной творческой работы. Многие из вас прошли суровую школу войны. Вы — активные строители коммунизма. Большинство из вас парти и народ дали высшее образование. Все это обязывает нас принести в литературу то новое и свежее, что привнесла она отобразив, показывая в своих произведениях советского человека, организующую роль нашей партии, творческие силы украинского народа, который в братском содружестве со всеми народами нашей страны, и в первую очередь с великим русским народом, строит коммунизм, борется за прочный продолжительный мир.

В заключение совещания состоялся большой литературный вечер, на котором молодые литераторы выступили с чтением своих произведений.

В. ГИЛТОВСКИЙ

Краснодар

За последние годы писатели Кубани создали немало произведений, которые завоевали любовь читателей. Это романы С. Бабаевского, «Порт-Артур» А. Степанова, «Дорога к счастью» алдыгейского писателя Т. Керешова, удостоенные Сталинской премии. Молодой драматург Н. Винников написал пьесы «Степь широкая» и «Наша радость», идущие во многих театрах страны. А. Панферов — книгу «Степь кубанская» о жизни кубанских колхозов, Г. Соколов опубликовал сборник военных рассказов «Малая Земля».

Писатель В. Коновалов (Сочи) выпустил книгу рассказов о казакском заповеднике «Зеленый луг под голубой крышей» а Ф. Зорин издал интересную книжку «В приморском саду» раскрывающую романтику профессии селекционера. С новыми стихами выступили поэты Краснодар, Новороссийска, Майкопа, Кропоткина, Сочи, Туапсе.

Однако в работе отдельных писателей были и серьезные ошибки и художественные срывы. Партияная печать уже отмечала, что в романе П. Ишанова «Вечная молодость» искажена роль партии и комсомола в руководстве партизанским движением, П. Валченко, рисуя в романе «На заре» сложную политическую обстановку во время гражданской войны на Кубани, не сумел подняться до больших обобщений, приписав образы большевиков. Слабая композиция, бледны, а местами и просто сер язык этого произведения. К. Катанко в романе «Наши девушки» отступил от жизненной правды. В книге содержатся фактические ошибки, вытекающие из недостаточного знания автором современной деревни.

Великие дурной литературщины, а порой и следы явной спешки отрицательно сказались на интересных книгах А. Панферова и Г. Соколова.

На Кубани в основном выступают сейчас молодые писатели, выпускающие свои первые большие книги. Они не имеют достаточного литературного опыта, не знают зачастую в должной степени материала. Неудовольствие же боязни самокритики приводит к тому, что молодой автор, подгоняемый издательством, не имеющим, кстати говоря, достаточно квалифицированных редакторов, сдает недоработанную, плохо отредактированную рукопись в печать, не обсудив ее предварительно с товарищами.

Властной литературной критик в Краснодарском крае до настоящего времени, к сожалению, почти нет.

Краснодарское отделение Союза советских писателей слабо боролось за повышение мастерства писателей, не привлекало их внимания к важным для жизни края темам. А крайком комсомола вовсе не уделял внимания воспитанию молодых литераторов.

Алтынский «Кубань», печатающийся в Краснодаре, и «Дружба», выходящая в Адыгее, не стали центром литературной жизни.

Кубань — это край нефти, хлеба, цементной промышленности, край замечательных дел и замечательных людей. Но обо всем этом написано очень мало, все богатство жизни края еще далеко не отражено в литературе. Особенно робко подходят к изображению сегодняшнего дня Кубани поэты.

На недавно прошедшей конференции писателей Кубани работа отделения союза была подвергнута серьезной критике. Конференция наметила пути к устранению недостатков в работе кубанских писателей.

Перед писательской организацией поставлены задачи: уделить серьезное внимание повышению идейного уровня произведений и художественного мастерства писателей. Рукописи, предназначенные для печати, должны быть предварительно обсуждены писательским активом, а в некоторых случаях и конференцией читателей.

Избрано бюро краевого отделения Союза писателей в составе: П. Ишанова (ответственный секретарь), Н. Винникова, Д. Костанова, А. Панферова и И. Белякова.

Вас. ЗАХАРЧЕНКО

Симферополь

Недавно в Симферополе произошло областное совещание писателей и литературного актива. В работе совещания приняли участие представители обкома ВКП(б) и обкома ВЛКСМ, преподаватели вузов, библиотекари, читатели, а также от Союза писателей СССР — В. Ишбер, С. Вабыншева и П. Сажин.

С докладом об итогах работы и задачах писателей Кубани выступил П. Валченко. Охарактеризовав значение XIII пленума ЦК ВКП(б) и ЦСР СССР, он подробно остановился на работе писателей Кубани.

— Нам нужны произведения, посвященные Кубани, его людям, его новостям, природе, его будущему, — сказал П. Валченко. — Неверно, что местная тема сужает творческий размах писателя, мельчит его замысел. Книга должна иметь свою родину, свой родной угол, свою прориску на земле, талантливая книга на местную тему может получить общесоюзное значение. Для этого писатели области должны чувствовать ритм жизни, учиться мастерству, решать свои творческие задачи на высоком идейно-художественном уровне.

Говоря о новых произведениях крымских писателей, докладчик положительно оценил повесть Д. Холендро о переселенцах «Горы в цвету», опубликованную в альманахе «Крым». Однако эта повесть — единственное крупное прозаическое произведение, появившееся за последнее время на страницах альманаха. Сыграл положительную роль в объединении литературных сил Кубани, альманах отстал от возрастных требований общественности.

П. Валченко отметил, что отделение ССП слабо связано с низовыми литературными объединениями, не знает их работы, недостаточно воспитывает молодых литераторов.

Д. Холендро в докладе «О детской литературе в области» говорил о слабом состоянии литературы для детей. После войны Крымиздат выпустил немало детских книг, но лишь незначительная часть принадлежит перу крымских авторов. Почти все они написаны для самых маленьких. Книг для школьников и о школьниках нет. Отсутствуют книги о богатствах Кубани. В тематическом плане издательства на 1950 год нет ни одной детской книги местного автора.

На совещании обсуждалось творчество поэтов Кубани. Некоторые из них — В. Земной, Б. Серман, А. Лесин — выступили уже по нескольким сборникам. Растут и молодые: В. Карпек, Н. Кириллов, А. Мильский, В. Грибнаум, А. Никаноркин, Г. Патков. Однако обсуждение работы поэтов прошло неудачно, порой сбивалось на высказывание мелких недостатков. Серьезные вопросы были поставлены в выступлениях В. Ишбер, которая обратила внимание на то, что в стихах поэтов Кубани есть недостаточное прозуальное содержание, слабая современность — тема борьбы за мир. В творчестве местных поэтов почти не ощущается Кубани. А между тем для хорошего поэта крымская тема — это пушкинский «матисский кристалл», поэзия, которая может видеть весь мир. Многие поэтам не хватает знания жизни, большинства — культуры формы, сказал В. Ишбер.

Отчетливо проявились на совещании пассивность критиков и их слабая заинтересованность насущными проблемами литературной жизни области. Критики неспроста мало пишут.

Многие выступавшие говорили о том, что местная печать не заботится о воспитании молодых литераторов. Газета «Красный Крым» почти не публикует детских книг местных авторов. Редакция местных газет, например, в Керчи, Алуште, не проявляет интереса к развитию литературы в области. А между тем, как это показывает хороший пример «Сталинского знамени» (Ялта), газета может стать центром собрания литературных сил.

Новые литературные объединения организованы в Ялте и Керчи. В Севастополе уже два года при редакции городской газеты существует творческое объединение, проводятся конкурсы, выпускаются литературные странички. Но работа с молодежью ведется бессистемно.

На совещании было избрано бюро областного совещания писателей и литературного актива. В работе совещания приняли участие представители обкома ВКП(б) и обкома ВЛКСМ, преподаватели вузов, библиотекари, читатели, а также от Союза писателей СССР — В. Ишбер, С. Вабыншева и П. Сажин.

С докладом об итогах работы и задачах писателей Кубани выступил П. Валченко. Охарактеризовав значение XIII пленума ЦК ВКП(б) и ЦСР СССР, он подробно остановился на работе писателей Кубани.

— Нам нужны произведения, посвященные Кубани, его людям, его новостям, природе, его будущему, — сказал П. Валченко. — Неверно, что местная тема сужает творческий размах писателя, мельчит его замысел. Книга должна иметь свою родину, свой родной угол, свою прориску на земле, талантливая книга на местную тему может получить общесоюзное значение. Для этого писатели области должны чувствовать ритм жизни, учиться мастерству, решать свои творческие задачи на высоком идейно-художественном уровне.

Говоря о новых произведениях крымских писателей, докладчик положительно оценил повесть Д. Холендро о переселенцах «Горы в цвету», опубликованную в альманахе «Крым». Однако эта повесть — единственное крупное прозаическое произведение, появившееся за последнее время на страницах альманаха. Сыграл положительную роль в объединении литературных сил Кубани, альманах отстал от возрастных требований общественности.

П. Валченко отметил, что отделение ССП слабо связано с низовыми литературными объединениями, не знает их работы, недостаточно воспитывает молодых литераторов.

Д. Холендро в докладе «О детской литературе в области» говорил о слабом состоянии литературы для детей. После войны Крымиздат выпустил немало детских книг, но лишь незначительная часть принадлежит перу крымских авторов. Почти все они написаны для самых маленьких. Книг для школьников и о школьниках нет. Отсутствуют книги о богатствах Кубани. В тематическом плане издательства на 1950 год нет ни одной детской книги местного автора.

На совещании обсуждалось творчество поэтов Кубани. Некоторые из них — В. Земной, Б. Серман, А. Лесин — выступили уже по нескольким сборникам. Растут и молодые: В. Карпек, Н. Кириллов, А. Мильский, В. Грибнаум, А. Никаноркин, Г. Патков. Однако обсуждение работы поэтов прошло неудачно, порой сбивалось на высказывание мелких недостатков. Серьезные вопросы были поставлены в выступлениях В. Ишбер, которая обратила внимание на то, что в стихах поэтов Кубани есть недостаточное прозуальное содержание, слабая современность — тема борьбы за мир. В творчестве местных поэтов почти не ощущается Кубани. А между тем, как это показывает хороший пример «Сталинского знамени» (Ялта), газета может стать центром собрания литературных сил.

Новые литературные объединения организованы в Ялте и Керчи. В Севастополе уже два года при редакции городской газеты существует творческое объединение, проводятся конкурсы, выпускаются литературные странички. Но работа с молодежью ведется бессистемно.

На совещании было избрано бюро областного совещания писателей и литературного актива. В работе совещания приняли участие представители обкома ВКП(б) и обкома ВЛКСМ, преподаватели вузов, библиотекари, читатели, а также от Союза писателей СССР — В. Ишбер, С. Вабыншева и П. Сажин.

С докладом об итогах работы и задачах писателей Кубани выступил П. Валченко. Охарактеризовав значение XIII пленума ЦК ВКП(б) и ЦСР СССР, он подробно остановился на работе писателей Кубани.

— Нам нужны произведения, посвященные Кубани, его людям, его новостям, природе, его будущему, — сказал П. Валченко. — Неверно, что местная тема сужает творческий размах писателя, мельчит его замысел. Книга должна иметь свою родину, свой родной угол, свою прориску на земле, талантливая книга на местную тему может получить общесоюзное значение. Для этого писатели области должны чувствовать ритм жизни, учиться мастерству, решать свои творческие задачи на высоком идейно-художественном уровне.

Их страшит правдивая книга

Андре ВЮРМСЕР

Перед нами, прогрессивными литераторами Франции, стоит задача: объединить писателей нашей страны вокруг широких лозунгов сторонников мира. Эти лозунги — защита французской культуры и нашего культурного наследия, борьба против американского влияния и вмешательства, борьба за литературу, реалистически отражающую действительность. Буржуазия и ее писатели, скатываясь к отрицанию патриотизма, принципов демократии и мира, не выносят даже мысли о возможности отражения действительности в искусстве. Они отвергают сейчас не только произведения современных реалистов, но и все наше культурное наследие.

Как могут признавать Анатоля Франса, автора «Современной истории», те, кто отрицает за современной историей право быть запечатленной в романе?

Как могут признавать Золя, защищающего Дрейфуса, те, кто издает в борьбе со сторонниками мира законы, которые вызвали бы возмущение самого умеренного республиканца 1890 года?

И как могут они признавать Балзака? Балзака — пробный камень для нынешней французской критики. Официальная праздность по поводу даты его рождения и смерти превратилась в жалкую комедию. Редкие статьи, посвященные ему в буржуазных журналах и газетах, почти целиком заполнены нападениями на его творчество.

Мориак перечитал недавно Балзака и заявил, что это чтение привело его в ужас. Но Мориак, страждущий ныне передовыми для реакционной газеты «Фигаро», роман больше не пишет, как не пишет их и Андре Мальро, который поет хвалу «кандидату в Бонапарты» — де Голлю.

Знавшие буржуазной интеллигенции приводят ее к созданию вырождающейся, фальшивой, скептической, безнадёжной литературы.

Это либо «литература о небытии», либо «литература о бытии». Об «Стену головы», действие которого происходит в сумасшедшем доме, либо литература полностью формалистическая, вроде романа «Игра в терпение» Луи Гийю, где автор сознательно смешивает хронологию событий, поучая, таким образом, читателя, что сама по себе история абсурдна, а человек беспесен. Это — литература обреченности, которую создают Анри Бале и многие другие, чьи романы оторваны от жизни людей, чьи герои лишены и веры,

французского рабочего класса. В свои 28 лет он оказался избранным вместе с Арагоном в Центральный комитет французской компартии.

Главная цель наших врагов состоит в том, чтобы помешать французам узреть правду о Советском Союзе. Именно поэтому мы, французские прогрессивные писатели, критики и издатели, ведем в нашей стране упорную борьбу за распространение советской литературы, которая является, несомненно, самой значительной и самой богатой литературой нашей эпохи. Переводные французские писатели не только участвуют в борьбе с вражеской пропагандой, в защите Советского Союза от клеветы и в защите дела мира.

Наш издательство выпустило в этом году более сорока советских романов. С некоторыми из них французские уже знакомы. Так, «Юмантия» печаталась в номере «Алитет уходит в горы» Т. Семушья, «Се суар» печатается «Бурю» И. Эрнбурга, этот же роман публикуется и в журнале «Французские женщины», в «Леттер франсез» печатается «Далеко от Москвы» В. Ажаева.

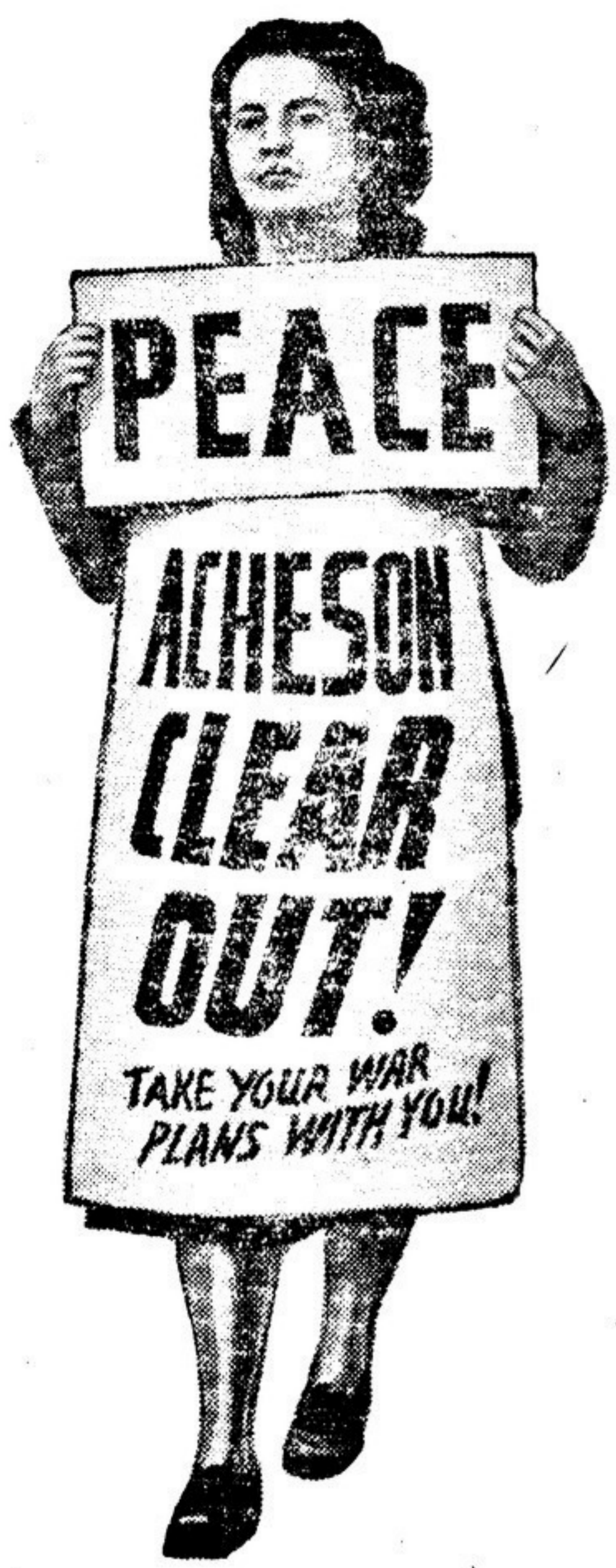
Мы не ограничиваемся изданием советских романов; мы издаем и переводим русских классиков; только за последнее время появился новый перевод «Обломова», начато издание полного собрания сочинений Горького.

Мы не считаем еще достаточной свою работу по распространению советской литературы; но она расширяется. Являясь органической частью нашей борьбы с силами реакции. Против нас — продвигаются правители нашей страны, находящиеся в их распоряжении печать, клеветники, деньги. Наши враги во Франции прекрасно понимают, что честная книга — опаснейший их враг.

Однако они бессильны остановить рост нашей новой литературы, сила которой в тесной связи с народными массами. Эта литература с каждым днем овладевает все новыми и новыми успехами. Она прокладывает путь блестящему будущему французской литературы, подлинный расцвет которой мыслям только во Франции свободной и демократической.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 48

В дни майского совещания министров иностранных дел Соединенных Штатов, Англии и Франции английская молодежь устроила в лондонском отеле «Савой», где обледал государственный секретарь США Ачесон, демонстрацию протеста против деятельности этого «холодного война». На плакатах, которые несли юности и девушки, было написано: «Мир! Ачесон, уберите отсюда! Заберите с собой свои военные планы». На фото — участница демонстрации с плакатом. (Снимок из английской газеты «Дейли уоркер».)

Эрнст ФИШЕР

Мы стоим за мир, наша цель ясна

11 июня в Вене закончился Всеамериканский конгресс сторонников мира, который прошел под знаком борьбы за мир и демократию, против американских поджигателей войны и их прислужников из правительства Филла-Шерфа.

Воевым гимном американских демократов является «Песня о мире», которую написал выдающийся общественный деятель, публицист и поэт Эрнст Фишер. Музыка — композитора Ганса Эйслера. Мы приводим текст этой песни.

Налетит гроза и ударит гром, стукнет ливнями по окну. Но не ветер приносит войну в наш дом — бизнесмены творят войну.

Отреплет гроза, остережен лес, птицы в рощах аисты поют. Только мир не спускается к нам с небес — люди сами его куют.

Мы стоим за мир — наша цель ясна: не допустить пожара вновь! Но захватчикам снова земля тесна, и лезвием им на нашу кровь.

Лишь бы рос барыш, лишь бы прибыль шла. Людям — бедствие, им — доход. И хоть в мире больше добра, чем зла — зло само собой не умрет!

Это нам теперь предстоит решать — быть опыту войне или не быть. Это ты сегодня решаешь, мать, погибать сыновьям или жить.

И когда войне все мы скажем: «Нет!» — ты и я, и он, и она, — прочный мир войдет на много лет и в твой дом не войдет война!

Честные люди всех паций и стран, в руках ваших — судьбы народов. Мир — не подарок, что небом дан, а война — не закон природы.

Войне сложите руки, избавьте мир от муки, встаньте за мир, сильны! На планы убийц в ответ скажите убийцам: «Нет!» Тогда не будет войны!

Перевел с немецкого Лев ГИНСБУРГ

Голос простых людей Франции

В Сен-Уане 76-летний крестьянин Баро сказал:

«Я подписываюсь за всех тех, кто погиб в 1914 году. Я подписываюсь для того, чтобы мои внуки могли жить спокойно».

Крестьянин Андре Фурнье заявил, показывая свою пзуроданную руку: «Под Верденом было достаточно страшно. Чего же ждать от их атомной бомбы? Да, я подписываюсь».

«У меня нет детей. — заявил владелец кафе в Сен-Жане Жозеф Стюарта, — но я подписываюсь под воззванием, чтобы дети всего мира были избавлены от ужасов атомной бомбы».

«Это нечто совершенно неслыханное! — шумливо жалуется парикмахер Боудан. — Мне не удается убедить никого из моих клиентов подписать воззвание, потому что... все, к кому бы я ни обратился, уже подписали его». И в этом нет ничего удивительного — достаточно сказать, что, например, в Парижском районе под стоколским воззванием подписались 90—100 процентов рабочих и служащих».

Чувства, которые владеют подавляющим большинством французов, хорошо выражена приходским священником Пьяльте из Монто. Он подписал воззвание со словами: «Я считаю, что нужно объединить весь мир в борьбе против войны».

Н. ГРИБАЧЕВ

Гремят бубны в Белграде

Белградский князь-канибал еще не поносит ястребиных перьев в водах и не размахивает щеки и ягодицы знаками боевой татуировки, но уже усердно отплевывает канибальский танец под бубны пропагандистских шаманов. Вообразив себя «великим войкой», он готовится двинуться в поход за головами.

Почему же гремят бубны в Белграде? Шенстовым и весьма воинственным звоном пропагандистских бубен белградский князь старается привлечь внимание от всего происходящего в стране и, в первую очередь, от того факта, что и он и его шайка состоят в полном услужении у заокеанских хозяев и поджигателей войны.

По неумолимой действительности тут же разоблачает князька и его двор.

Американский журналист Олсон, сообщив о провале титовской «пятителески», предупреждает, что Югославия полностью созрела для американской «помощи», иначе говоря, для полной колонизации. А чтобы угодливые банкиры не сомневались в том, какую выгоду принесет эта «помощь», Олсон указывает: «Югославия — это превосходный бизнес, обещающий за каждый затраченный доллар вернуть два доллара». А «бизнесом» титовская Югославия, по мнению Олсона, является еще и потому, что она имеет уже тридцать дивизий и занимает важные стратегические позиции.

Услышав это, белградские пропагандисты снова ударили в бубны, бешо воинственный дух своего князька. В брошюре «Западная Европа сегодня», изданной государственным департаментом, указывается, что снаряжение девяти французских дивизий обошлось американцам в миллиард долларов. — Что там французам, — выкрикивает Тито. — Я готов обеспечить вам двадцать дивизий всего за пятьдесят миллионов долларов.

Но даже и на это боссы и их коммивояжеры идут не сразу. По случаю столь дешевой распродажи достоинства и самой жизни граждан, они открыли в Белграде оживленные торги, такой заштаный базар с натуральным обменом. Личный

представитель Черчилля Бейли предлагает Тито еще более убедительно доказать «общественности» Англии и Америки, что его режим действительно достоин того доверия, какое ему сейчас оказывают в Лондоне и Вашингтоне.

И белградский князь со всех ног кидается выполнять все их требования. — Дайте амнистию всем сторонникам короля Петра и «четынкам» Михайловича... Пусть они свободно вернутся в Югославию.

— Есть дать амнистию. Пусть возвращаются. Добро пожаловать! Западно-германская марионетка Аденауэр по указке американцев готов заключить торговый договор с Югославией, но выставляет требование:

— Освободите тысячу пятьсот немецких военнопленных...

Все эти немцы — заведомые военные преступники, совершившие зверские преступления непосредственно на территории Югославии и подлежащие строгому суду. Стоят ли, однако, считаться с такими пустяками, если в титовской Югославии вообще военные преступники и фашисты чувствуют себя, как рыба в воде?

Приказ отдан, замки тюремных камер щелкнули, и палачи церемониальным маршем, чуть ли не с соблюдением воинских почестей выпускаются на свободу.

— Теперь давайте оружие, — напоминают титовцы.

— Дадим, — отвечают американцы. — Только пусть наши самолеты свободно летают над Югославией.

У титовской шайки и против этого нет никаких возражений. Разрешили. Летают. — А когда же оружие? — Обязательно дадим. Только вы собственными силами постройте военную автостраду Триест—Загреб—Белград, десятков, другой аэродромов и прочее, что нам потребуется.

Автострада строится. Сотни тысяч югославов согнаны на эти каторжные работы. Строятся и аэродромы. Лишь один из них возле Батажники обошелся югославскому народу в миллиард динаров.

Население нищает, военный бюджет стремительно растет. В прошлом году на военные приготовления ушло 33 процента бюджета, в этом году запланирован 51 процент.

Американцы довольны. Нескончаемым потоком полилось вооружение на так называемых «забытых» в Западной Германии, оставшихся от битой гитлеровской армии. «По Сенке и шалка», — гласит старая русская поговорка. В потоке «американской помощи» движутся и снаряды «ФАУ-2», и немецкие военные специалисты...

Гремят шаманские бубны в Белграде. Белградский князь усердно отплевывает канибальский танец.

Может быть, в рассуждениях американского журналиста Олсона и есть кое-какой расчет, — американские «бизнесмены» при такой торговалке на гангстерской толкучке в Белграде смогут еще, чего доброго, до поры до времени получать по два доллара за один, даже если бы им пришлось для этого по три шкуры сдирать с Югославии. В этом деле им охотно помогут и сами титовцы, и такие злейшие враги югославского народа, как сторонники короля Петра и «четынка» Михайловича, возвращенные сейчас в Югославию, и нацистские «специалисты», поставленные американцами на важные посты в титовской армии.

Что касается белградского князька, то у него не получается даже видимость политического «бизнеса», на который он рассчитывает. Не удается ему запугать соседние демократические народы. Не удается загнать в американское ядро и свободлюбивый, честный, отважный югославский народ...

Наоборот: наверняка лететь ему кувырком со своего игрушечного «трона», наверняка рано или поздно болтаться ему в намывленной петле за все те неисчислимые преступления, какие он совершил.

И не помогут князьку ни немецкое вооружение, ни заокеанские боссы.

ТАМ, ГДЕ ЦАРИТ ТЕРРОР

Как чудовищен этот типичный для любого из всех капиталистических городов бубнический пейзаж: каменная мостовая, обгаренная человеческой кровью, распростертые на асфальте тела борцов, сраженных жандармскими пулями, колена демонстрантов и нагой облака слезоточивого газа, человек в обездвиженном рабочем или крестьянском плаще, человек в полицейских мундирах... Но ни резинами бубничают, ни пулеметными очередями, ни струями слезоточивого газа не сломить босса до дна титовщины, с каждым днем усиливающей борьбу против своих порабощителей и поджигателей войны!

Убит или еще жив, — вот что интересует этих полицейских, склонивших над телом одной из жертв зверской расправы над бастующими в Голливуде. «Кинолента США» поражена безработицей. Но голливудские магнаты продолжают увольнять трудящихся. На это простые люди отвечают стачками. (Фото из газеты «Юманите».)

Ни пол, ни возраст жертвы не играют никакой роли для жандармов Шельбы после того, как их спустили с цепи. Вот они зверски расправляются с женщиной, связанной ими в ряды демонстрации, состоявшейся в Риме во время объявления всеобщей забастовки. (Фото из журнала «Pepare».)

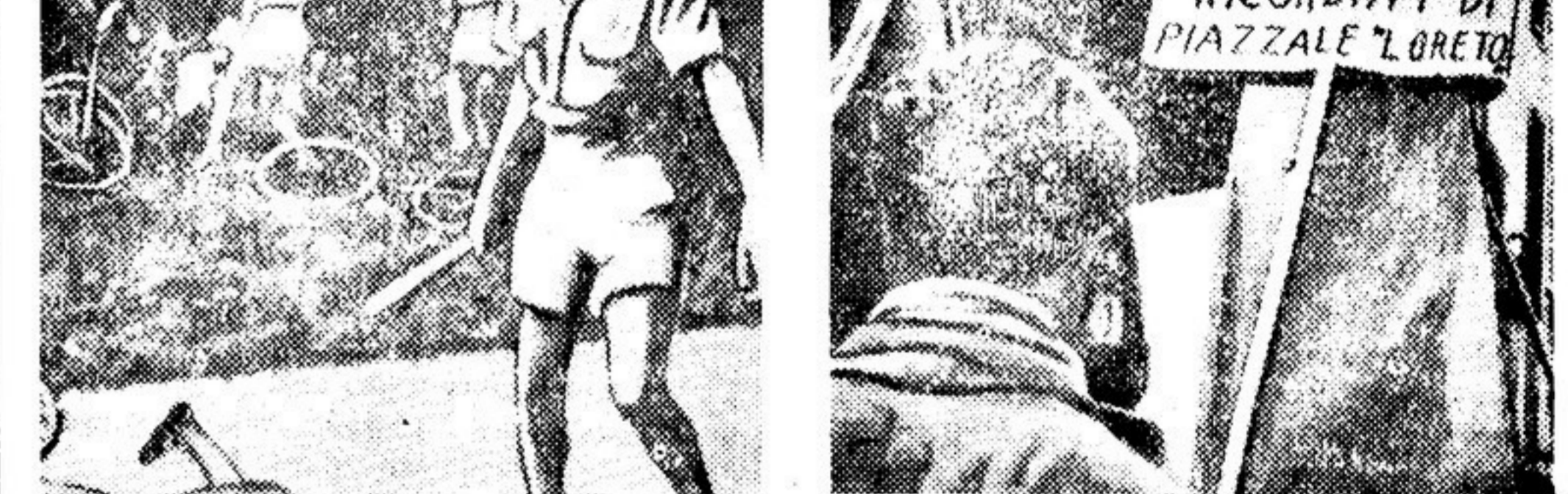
Трое вооруженных против одного безоружного — такова обычная бандитская норма, которой придерживаются французские жандармы при преследовании патриотов, борющихся за мир и демократию. Изображенный на снимке студент «повинов» в том, что участвовал в демонстрации, направленной против всего лишь к министерству просвещения. В этот момент последовала очередная команда: «Не сместь». Остальное явствует из снимка... (Фото из газеты «Юманите».)

Мрачная тень полицейской дубинки лежит над всем континентом капиталистического мира. Южно-американское государство Венесуэла. Магнат Уолл-стрита отлично известно, что оно весьма богато нефтью. Не менее «богато» оно расправы над трудящимися, которые отказываются стать рабами нефтяных королей США. Именно об этом он вновь объявлял на днях, выйдя на улицу в столице страны Каракасе. Демонстрация была разогнана, а с участниками ее обошлись так, как это изображено на снимке... (Фото из английской газеты «Дейли уоркер».)

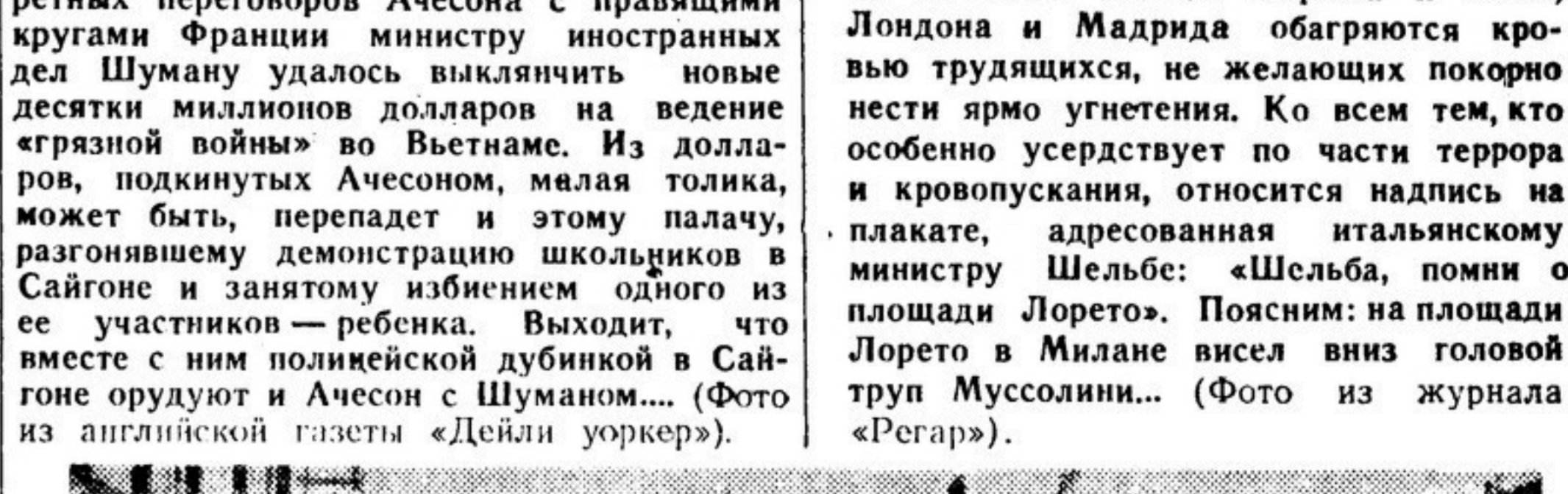
Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Во время состоявшихся в Париже секретных переговоров Ачесона с правящими кругами Франции министру иностранных дел Шуману удалось выкачать новые десятки миллионов долларов на ведение «гражданской войны» во Вьетнаме. Из долларов, подкнутых Ачесоном, малая толка, может быть, перепалет и этому палачу, разогнавшему демонстрацию школьников в Сайгоне и занятому избиванием одного из ее участников — ребенка. Выходит, что вместе с ним полицейской дубинкой в Сайгоне орудуют и Ачесон с Шуманом... (Фото из английской газеты «Дейли уоркер».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Известное старое изречение гласит: «Штыками можно многое сделать, но на штыках нельзя сидеть». Нынешние властители капиталистического мира как раз и пытаются соорудить себе «трон из штыков». Улицы Парижа и Рима, Лондона и Мадрида обгалятся кровью трудящихся, не желающих покорно нести ярмо угнетения. Ко всем тем, кто особенно усердствует по части террора и кровопускания, относится надпись на плакате, адресованная итальянскому министру Шельбе: «Шельба, помни о площади Лорето». Поясним: на площади Лорето в Милане висел вниз головой труп Муссолини... (Фото из журнала «Pepare».)

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

М. ПАПАВА

Из албанской тетради

2. Счастье народа

Путешествуя по Албании, вы поразитесь количеству дотов, построенных в свое время итальянскими фашистами. Они взошли на горных перевалах, у подножия заснеженных сосен, на побережье Адриатики, среди кактусов и апельсиновых садов, из обрывков горных круч, у мостов, среди оловянных рощ.

Современная, демократическая Албания поражает вас количеством школ. Сотни лет турецкого владычества тяжелым грузом лежала на историю народа. В Корче мне показывали маленький домик, где только в конце прошлого века патриотам удалось организовать первую албанскую школу. Сейчас новенькие здания школ я видел повсюду — на побережье Адриатики, в долине Мати, в горах Хоты.

Мне пришлось побывать в Шкодре (Скутари), на территории бывших владений францисканского католического ордена. Это был, по существу, город в городе. Отраженные каменной стеной, раскинулись здесь службы францисканского монастыря и колледжа. Эта папская вотчина являлась одним из центров католических интриг на Балканах.

Пройдя калитой, через которую тучный настоятель когда-то бежал с докладами к итальянскому консулу, мы вышли на монастырский двор. Он был полон веселого ребячьего гомона. Дети новой Албании беготней бегали под мрачными старинными арками, по выщербленным каменным плитам монастырского двора.

В свободных классах, где шли занятия, среди множества восторженных и любознательных глаз, устремленных ко мне, я отметил какую-то особую серьезность взглядов нескольких юношей, сидевших на задних скамьях. Они были явно старше своих одноклассников и с трудом уместились на партах. Оказалось, что это дети бедняков, луджиских горцев, столетиями лишенных школы. Воспитанники специально организованного интерната, они сейчас учатся и живут здесь за счет государства. И эти рослые хорошие ребята в новеньких мешковатых костюмах, сидящие среди малышей, на задних скамьях бывшего францисканского колледжа, запомнились мне как знак новой Албании.

Помню вечер в селе Дришти. Шумный горный поток в бесчестный раз перебирал гальку на своем дне. Позванники колокольчиков овец, возвращавшихся с пастбищ. С дальних полей ехали на ослах крестьяне в потемневших от пота белых фесках. На пологих холмах дозревала олива — плоды благодатного дерева албанских гор. В сумерках в школе шли занятия.

Прислушавшись к чтению ребят, я мог понять только одно слово — «капитализм», которое читавший малыш произносил как-то смешно и брезгливо вытягивая губы.

Загляни лампу-молнию. Немолодая учительница объяснила мне, что тема сегодняшнего классного чтения — земельная реформа.

В связи с введением всеобщего обязательного обучения приходится заниматься и вечером. Мы не можем оставить за бортом школы ни одного ребенка.

Процаясь, я пошутил, что вместо лампы у них наверно будет скоро электричество, а вот «капитализм», надеюсь, никогда не будет.

— Нет. Ни будет. Никогда, — неожиданно по-русски ответила мне учительница и, заметив мое удивление, добавила через переводчика:

— Если ты хочешь быть передовым человеком своей эпохи, ты должен знать русский язык. О, я это хорошо понимаю! Мне довелось посетить школу в Во-

скопие, близ Корчи. Когда-то здесь был большой торговый и культурный центр. Здесь, в православном монастыре, печатались книги, еще когда во всей турецкой империи не было типографий. Здесь сражались с турками Алп-паша Тенелеский. Здесь в русско-турецкую войну возникло в народе движение за Россию, и турки разрушили Воскопие. Потом ее жгли греки. В 1916 году Воскопие разграбили французские войска. Наконец в наши дни здесь шли бои албанских партизан с итальянцами. Немцы самоходки расстреливали Воскопие.

Здесь перемешаны руины многих веков. Камни и развалины покрывают землю. Состен старинных церквей, разрушенных немецкими снарядами, смотрят строгие лица византийских святых. Отсыкая желтеющую осеннюю траву, проросшую сквозь камни, бродят овцы. Неумолчный тоненький пересов овец колокольчиков разносится над развалинами Воскопия. И, как образ нового мира, по этим камням идут сейчас в школу вальашские крестьянки (здесь живет вальашское меньшинство).

Застенчивые и торжественные, шурша широкими юбками, идут вальашки на очередное занятие по ликвидации неграмотности. Они садятся за парты, кладут широкие крестьянские руки на тетради и доверчиво смотрят на круглолицую и веселую девушку, приглянувшую из комсомольского бюро.

Воскопие снова строится. Уже сорок новых домов стоят на исторических развалинах. И лучший дом отдал школе. Здесь хозяин Кристо Димитрий — юный педагог, только что окончивший первое в истории Албании высшее учебное заведение — Педагогический институт в Тиране.

Вся страна хочет учиться. Огромная нужда в учителях. И юному Кристо приходится пока одному вести четыре класса школы. Вечерами он готовит на старинном очаге свой незатейливый ужин и поет песни с крестьянами, приходящими к школе после рабочего дня. И он счастлив, этот высокий, большеглазый юноша, чело напоминавший мне Зеная, героя новеллы Мидзени. Он счастлив, потому что он хозяин в своей школе, в своей стране.

Как образ счастья народа, впервые за многие столетия своей многострадальной истории ставшего хозяином своей судьбы, мне вспоминается конгресс в Кучеве.

Кучево — это рабочий городок, выросший на нефтяных промыслах. Раньше здесь хозяйничали итальянские концессионеры. В этой колыбели рабочего класса Албании и был созван конгресс албанских профсоюзов. Он превратился во всенародный праздник, в торжество молодой народной демократии.

Ощущение народного торжества родилось у меня задолго до того, как передо мной возникли в легкой дымке горного вечера черные шпильки нефтяных вышек Кучева. На всем пути от Тираны до Кучева, на протяжении почти двухсот километров, я видел лозунги и приветствия — печатные, писанные от руки, выложенные из камней на холмах, протанутые над арками, укрепленные на стенах домов. Это были приветствия конгрессу, албанской трудящейся партии, рабочему классу страны, великому другу всех народов мира — Советскому Союзу.

Конгресс проходил в здании заводского клуба в Кучеве. В президиуме сидели руководители албанской трудовой партии и рабочие промыслов, представители стран народной демократии — Польши, Болгарии, Чехословакии, делегат ВПСИС — могучего